

заттың адамға қатыстығын білдіреді (-ын, -ин, -ов, -ев, -ке) сын есімдер: сестрицын альбом - әпкемнің альбомы, тетин костюм – тәтемнің костюмы, отцов дом- әке үйі; жануарлар, құстар, балықтар аттарынан құралған: қасқыр құйыршығы – волчий хвост, түлкі құйыршығы – лисий хвост, қарға ұясы – воронье гнездо, түйе жүні – верблюжья шерсть [5,41].

Қазақ тілінде тәуелдеуші сын есімдер жоқ, сондықтан қазақ және орыс тілдерінде тәуелдеуші сын есімдердің мағынасына басқа сөз таптары сәйкес келеді (екі зат есімнің байланысуы, бұның біріншісі ілік септігінде тұр, ал екіншісі өзі тәуелдегіш қосымша түрінде болады және берілген заттың белгілі бір затқа, жаққа жататындығын көрсетеді) 3жақ:әкемнің үйі,әпкемнің кітабы.Бұнда отцов, сестрина сөздерінің орнына сын есімді қолдануға болмайды, себебі ол қазақ тілінде жоқ.

Қазақ және орыс тілдерінде толығымен зат есімнің мағынасын қабылдаған сын есімдер бар: жұмыскер, асхана, сондай-ақ тәуелдеуші сын есімдер ауысып кеткендер: Абай селосы, слесарь Айдар және басқалары. Қазақ тілінде де толығымен зат есімге айналып кеткен сын есімдер жиі кездеседі және сын есім ретінде қолданылмайды: ұшқыш, қыр, дос, сай, сүзгі, елеуіш.

Сондай-ақ екі тілде де сапалық және қатыстық сын есімдерден туындаған сын есімдер бар, бірақ адамдардың аттары, тегі, ауыл аттары, тау атаулары, қала аттары ретінде қолданылады. Адам аттары: Қайсар, Жомарт, Әсем. Қала аттары: Қарағанды, Талды, Қарқаралы. Бұл сөздер құрамында сын есімдердің аффикстері бар, алайда сөйлемде сын есімсіз қолданылады.Сөйтіп сын есімдер зат есімге ауысқанда салыстырмалы тілдерде оларды басқа сын есімдерден айыратын келесі ерекшелікке ие:Кім? Не? Кімді? Нені? – деген сұрақтарға жауап беріп, заттың мағынасын білдіреді. Сөйлемде бастауыш, толықтауыш, пысықтауыш рөлін атқарады. Орыс тілінде сын есімнің жалғауы болғанмен род бойынша өзгермейді. Орыс тілінің өзінде анықтауыш ретінде басқа сын есім болу мүмкін.

Қорыта келе, қазақ және орыс тілдерінің контрастивті спецификасында барлық атауды сын есімдер арқылы салғастыружүзеге асатынын көруге болады.Орыс тілінде сапалық және қатыстық сын есімдердің сипаттамалық жалғаулары бар, бұлар арқылы сын есімді сөз таптарынан айыруға болады.Қазақ тілінде сын есімнің сөз табы ретінде сын есімдерді сапалық және қатыстық сын есімдерге бөлуден басқа арнайы сөз тудыратын көрсеткіші жоқ. Бірақ сапалық сын есімдерді қатыстық сын есімдерден айыратын таза грамматикалық көрсеткіштер аз болғандықтан бұл шартты қасиетті тудыратыны анық.

1 Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. – Алматы: Демей, 1996. – 208 с.

2 Қазақ тілінің грамматикасы. – Алматы: Мектеп, 1967. – 167с.

3 Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – Москва: Наука, 1988. – 309 с.

4 Розенталь Г.Е., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – Москва: Высш. шк., 1991. – 559 с.

5 Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – Москва: Наука, 1988. – 309 с.

Истомина А.А., Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова, факультет иностранных языков, гр. МИФ-22-1р, магистрант
(*Научный руководитель — д.ф.н., профессор Букетова Н.И.*)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АНТИУТОПИЯХ

Политический дискурс — это неотъемлемая часть современного общества, так как он оказывает огромное влияние на наше восприятие политики, социума и событий в мире. Политический дискурс является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, пронизывая различные социальные сферы, а именно дебаты и обсуждения, влияющие на общественное мнение, онлайн-платформы и медиа, статьи и научные исследования и так далее.

Изучением политического дискурса занимаются политологи изучающие его влияние на формирование общественного мнения, политические процессы и принятие решений в политике ,психологи с точки зрения изучения стратегий, которые использует политик в своей речи для того, чтобы оказать влияние на адресата и вызвать у него определенную эмоциональную реакцию, философы, с целью рассмотрения социального устройства, структуры общества и влияния политического дискурса на формирование общественных отношений, социологи с точки зрения рассмотрения социальных аспектов политического дискурса, включая взаимосвязь с социальными структурами и группами.Кроме того, изучением дискурса занимаются экономисты, специалисты по теории коммуникации и лингвисты [1,с.161].

Согласно статье М.А.Гаврилова в лингвистической литературе существует широкое и узкое понимание политического дискурса [2, с.2]. Нидерландский лингвист Т.ван Дейк (T.van Dijk) указывал на то, что «политический дискурс идентифицируется по его акторам или авторам, т.е. политикам»[3, с.12]. То есть анализ политического дискурса включает в себя изучение языковых высказываний, используемых политиками при обсуждении политических вопросов. Он объясняет это тем, что подавляющее число исследований, связанных с изучением политического дискурса сосредоточены на анализе текстов и

разговоров, выступлений профессиональных политиков, членов политических институтов [3, с.12]. Однако политический дискурс включает в себя не только акторов, авторов, агентов, но и клиентов, реципиентов, которыми выступают публика, граждане, избиратели и другие социальные группы [3, с.13]. То есть исходя из взглядов Т.ван Дейка можно сделать вывод, что политический дискурс ограничивается профессиональными рамками, то есть деятельностью политиков. Т.ван Дейк отмечает, что политический дискурс - это одновременно и форма институционального дискурса. Другими словами, политический дискурс — это дискурс, который производится в условиях существования политических институтов, а именно, в форме заседания правительства, парламентов, ассамблей и так далее. Таким образом, дискурс, чтобы считаться политическим, должен быть произведен говорящим в его профессиональной роли политика и в институциональной среде. Данную точку зрения относят к узкому пониманию политического дискурса.

Широкого понимания политического дискурса придерживается Е.И.Шейгал. Она указывает на то, что, при рассмотрении границ политического дискурса, нужно учитывать как институциональные так и неинституциональные формы общения, в которых хотя бы один из трех компонентов - субъект, адресат и содержание общения - относится к политической сфере. То есть, политический дискурс широко присутствует как в формальных институциональных структурах, политических организациях и государственных институтах, так и в неформальной общественной среде, в обсуждениях в социальных сетях, в повседневном общении и так далее. Из этого можно сделать вывод, что политический дискурс соприкасается с другими видами, разновидностями институционального дискурса, такими как рекламный, научный, педагогический, юридический, религиозный, спортивный, военный и неинституциональными формами коммуникации, такими как художественный дискурс, повседневный дискурс и так далее [4, с.46].

Масс-медийный дискурс играет ключевую роль в современном политическом дискурсе, являясь главным средством передачи политических сообщений населению. Информационные платформы, такие как телевидение, радио, интернет и социальные сети, формируют общественное мнение и влияют на политические процессы [4, с.46]. По этой причине по мнению Е.И.Шейгал можно говорить о тенденции к сращиванию масс-медийного дискурса и политического дискурса [4, с.46].

Н.А.Серебрянская и Е.А.Мартынова отмечают, что «политический дискурс относится к институциональным формам общения, для которых характерны определенные социальные правила и ритуализированные рамки функционирования», а также что некоторые жанры художественной литературы, например антиутопию можно отнести к политическому дискурсу [5, с.122]. К.В. Волубаев в своей статье «Политический дискурс: его стратегия, тактика и функции» указывает на то, что политический дискурс определяется как институциональная коммуникация, общение, которое, в отличие от личностно-ориентированного общения, использует определенную систему экспертно-ориентированных знаков. Политический дискурс как форма институциональной коммуникации обладает собственным подязыком, а также лексикой, фразеологией и паремией [6, с.131].

Н.А.Серебрянская и Е.А.Мартынова отмечают, что при рассмотрении антиутопии (политического дискурса) в эту схему добавляется третье звено для связи агент-клиент, а именно средства массовой информации [5, с.122]. То есть институциональный дискурс, а именно политический дискурс в антиутопии может представлять собой коммуникацию внутри определенных политических структур, где доминируют определенные идеологии и ритуалы для поддержания общественного и политического устройства. В этом контексте институциональный дискурс служит инструментом формирования и поддержания управленческой системы, характерной для антиутопического общества.

Е.И.Шейгал определила основной задачей политического дискурса анализ, раскрытие и понимание того, как взаимодействуют между собой власть, познание, речь и поведение [4, с.10].

М.А.Гаврилова указывает на существование лингвостилистического направления в изучении политического дискурса. Она пишет о том, что в рамках лингвостилистического направления анализируются, изучаются «стилистика маркированные элементы языковой системы (просторечные слова; узкоспециальные термины науки, техники, ремесла, искусства; слова, которые могут быть употреблены лишь в определенном стиле литературной речи) и свойственные им эмоциональные и экспрессивные компоненты содержания, коннотации и ассоциации с точки зрения их соотношения с симпатиями и антипатиями пользующегося ими лица и тем самым с его системой ценностей» [2, с.13].

В антиутопических произведениях политический дискурс представлен в двух видах. Во-первых, это дискурс, возникающий между персонажами произведения. Автор, через диалоги, монологи и размышления героев, внедряет свои идеи и выражает критику существующего или предлагаемого общественного устройства. Во-вторых, политический дискурс проявляется через содержание произведения в целом. Автор описывает общество, раскрывая особенности политического строя. Политические идеи вплетаются в сам сюжет и структуру произведения, позволяя читателю понять, как автор видит и критикует данное общество [5, с.122].

Как уже отмечалось ранее при рассмотрении политического дискурса мы рассматриваем взаимодействие «агент-клиент». Похожий тип взаимодействия можно обнаружить в таких антиутопиях как «1984» Джорджа Оруэлла, «Рассказ Служанки» Маргарет Этвуд, «Повелитель мух» Уильяма Голдинга, «Скотный двор» Джорджа Оруэлла, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери. В качестве агентов, акторов в романе «1984» будут выступать Большой брат и его оппонент Эммануэль Голдстейн, население Океании будет представлять собой реципиентов, клиентон, в «Скотном

дворе» агентами будут являться Наполеон и Снежок, а остальные животные будут являться клиентами. В «Повелителе мух» Уильяма Голдинга также можно выделить агентов, актеров, которыми будут являться Ральф и Джек, а клиентами все остальные мальчики. Н. А. Серебрянская и Е. А. Мартынова подчеркивают, что в антиутопиях ключевую роль в насаждении идеологии и манипуляции населением будут играть СМИ, которые, как уже отмечалось ранее будут выступать звеном для связи агент-клиент [5, с.122]. Примером этого может послужить телеэкран в «1984» Джорджа Оруэлла, который можно приглушить, но нельзя выключить: «аппарат этот (он назывался телеэкран) притушить было можно, полностью же выключить – нельзя» [7, с.26]. Данные телеэкраны не только транслируют новости, но и осуществляют контроль над населением. Все печатные издания находятся под контролем у правящей партии и перепечатываются в соответствии с их интересами: «надо было переписать этот абзац в речи Старшего Брата так, чтобы он предсказал действительный ход событий» [7, с.59] В романе Хаксли «О дивный новый мир» третьим звеном можно назвать специализированные гипнопедические центры, в которых обучаются дети с самого рождения. В «Скотном дворе» Джорджа Оруэлла так же, как и в «1984» Джорджа Оруэлла можно проследить разделение на «своих» и «чужих». Данное противопоставление является базовой оппозицией политического дискурса [5, с.123]. В ряде работ данную оппозицию связывают с мифом о существовании внешнего врага («the Conspiratorial Enemy myth»), суть которого заключается в том, что где-то вне группы существует враг представитель внешней группы, который настроен агрессивно по отношению к членам внутренней группы [8, с.192]. В «1984» внешним врагом является Эммануэль Голдстейн, в «Скотном дворе» Снежок (Цицерон).

Манипулятивность – одно из характерных проявлений политического дискурса, так как каждый политик, публичный деятель так или иначе стремится воздействовать на аудиторию через свою речь. Манипулятивность в политическом дискурсе антиутопий может проявляться различными способами, включая использование эвфемизмов, дисфемизмов, повторений и обещаний [8, с.193]. В «Скотном дворе» Джорджа Оруэлла животные (свиньи) после изгнания людей с фермы сформировали семь заповедей, одна из которых гласила, что «все животные – равны» [7, с.334]. В дальнейшем все семь заповедей были сведены к одной мысли, лозунгу которая неоднократно поверяется животными на протяжении романа: «четыре ноги хорошо, две – плохо» [7, с.340]. Однако к концу произведения они трансформировались в «все животные равны, но некоторые животные равнее» и «четыре ноги хорошо, две – лучше!» [7, с.401-402]. Кроме того, еще раньше к девизу «работать еще лучше», был добавлен девиз «Наполеон всегда прав» [7, с.354] Наполеон, главный среди свиней постоянно обещает, что жизнь животных улучшится, что ферма будет процветать, однако оказывается еще худшим диктатором, чем были люди. В «Рассказе служанки» Маргарет Этвуд можно встретить эвфемизмы, к примеру сексуальное насилие по отношению к служанкам называется «Церемонией», «обычным делом» а весь ужас происходящего, лишение женщин права голоса, права на образование, чтение описывают как «возврат к традиционным ценностям» [9, с.9-82].

Таким образом политический дискурс, являясь объектом междисциплинарных исследований позволяет взглянуть на некоторые литературные жанры под новым углом. Анализ антиутопий позволяет понять глубину взаимосвязи между масс-медийным дискурсом, политическим дискурсом и манипуляцией в обществе, подчеркивая необходимость критического осмысления информации, получаемой через СМИ, и борьбы за свободу слова и мысли.

1. Kirvalidze, Nino & Samnidze, Nino. Political Discourse as a Subject of Interdisciplinary Studies. Journal of Teaching and Education, 2016, vol. 05, pp. 161-170.

2. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического текста. Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ, 2002, вып. 3, с. 88-108.

3. Van Dijk T. A. What is Political Discourse Analysis? Political Linguistics, edited by Jan Blommaert and Chris Bulcaen, Amsterdam, 1998.

4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004 - 324 с.

5. Серебрянская Н.А., Мартынова Е.А. Антиутопия как вид политического дискурса. Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2011, №2.

6. Волубаев К.В. Политический дискурс: его стратегия, тактика и функции. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015, №6-1.

7. Оруэлл, Джордж. 1984; Скотный двор: Эссе. Москва: Эксмо, 2022- 544 с.

8. Khafaga, A. Linguistic Manipulation of Political Myth in Margaret Atwood's The Handmaid's Tale. International Journal of English Linguistics, 2017.

9. Этвуд, Маргарет. Рассказ Служанки. Москва: Эксмо, 2022. - 320 с.